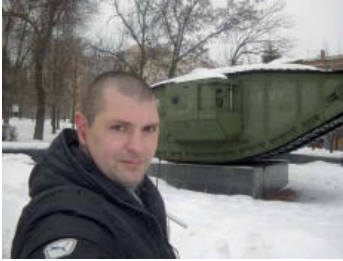

Берега Новороссии

Юрий Ковальчук

Юрий Ковальчук (1983–2021) – журналист, участник ополчения города Краматорска, военный корреспондент. Родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В связи с событиями 2014 года одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР.

В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодарском районе.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году.

Художественные произведения печатались в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», журналах «Александръ», «Северо-Муйские огни», альманахе «Территория слова», международном альманахе «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019–2021).

Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

НЕБРАТЬЯ

(Основано на реальных событиях)

ДЕЙСТВИЕ 1

Село Ивановка, Херсонская область, Украина. Зима, 2014 год

От давно не беленой печки веет сонным теплом. За толстой заслонкой низко гудит уголь – дрова в степи дорогое удовольствие. Смотреть на печь ещё приятнее, когда в оконные стёкла с разлёту бьётся степной ветер, несущий в нечёсаной гриве крошки редкого снега. Неуютно за окном, морозно...

В комнате тихо бубнит телевизор. На экране люди в касках деловито стаскивают в кучу автомобильные покрышки. За столом сидят братья Руслан и Николай. Они пьют «казёнку», закусывая жареной картошкой и соленьями. Николай разливает остатки водки в пузатые рюмки; с сожалением смотрит на пустую бутылку и ставит её под стол.

– Ещё, что ли, сходить? Только топать мне неохота. Может, сгоняешь?

Руслан хищно впивается в консервированный помидор. Затем скептически смотрит в сторону окна – ему явно не хочется выбираться на улицу.

– Да ну его к монахам! От «казёнки» завтра будет башка болеть, а мне на работу надо... Это же ты теперь у нас революционер – на митингах зарабатываешь.

Николай выпивает и обиженно крикает.

– Ну, как пить за мои, революционные, так ты не против. Я тебе говорю: поехал бы на этот раз со мной, тоже нормально заработал бы. Саня вон с нами на следующей неделе тоже в Киев собрался. Ехал бы с нами – чего ты там в своей бригаде заработаешь? А тут в столице побываешь, денег зарабатываешь. Ну и вообще – история...

Руслан неодобрительно качает головой.

– Смотри, чтобы тебе задницу не отстрелили с твоей этой историей. Денег потом на лечение где искать? Вот двинет Янэк ментов, что будете делать?

Николай пренебрежительно отмахивается.

– А ни хрена он уже не сделает. С нами Америка, Европа. Не дадут ему прыгнуть. Вот посмотришь, будет он скоро вместе со своими поделщиками в колонии сидеть, там, где Юлька была. А может, и Юльку ему отправим, чтобы не скучно было. Увидишь...

В комнату вошла престарелая мать Руслана и Николая. Старушка с неодобрением посмотрела на пустую бутылку под столом, затем на раскрасневшиеся лица сыновей.

– С ума вы походили со своим Киевом, – прервала она Николая. – Куда ни плюнь, везде цапаются, все спорят. В магазине очередь не выстоишь, чтобы все не переругались. А я бы их всех, сволочей этих из Рады, в тюрьму бы отправила. Сталина на них нет! Чтоб они все сдохли! И те и другие. Такое устроили! Хоть бы войны не было.

Руслан захохотал. Николай тоже примирительно заулыбался и, поймав мать за рукав халата, притянул ближе и обнял.

– Ну, разбушевдалась не на шутку! Ладно тебе! Скажи лучше, у нас самогона не осталось? А то за «казёнкой» идти неохота, да и голова от неё потом трещит.

Мать в шутку замахнулась на него полотенцем.

– Нету. Весь выпили. Себе на растирку немного оставила; спрятала, чтобы не добрались...

– Ну, дай выпить, мать! А я тебе завтра в аптеке хорошую растирку куплю, – пытался уговорить её Николай.

– В какой там аптеке! У нас ФАП закрыли ещё месяц назад. В район, что ли, поедешь? Не получите ничего. Дуйте в магазин или к соседу, – стала отбиваться от него старушка.

Братья неохотно начали собираться.

За окном прерывисто дышал ветер.

ДЕЙСТВИЕ 2

Где-то в степи под Мариуполем. Лето 2016 года

Вокруг бескрайняя степь, воедино сливающаяся с небом и морем. Пьяняще пахнет разноцветие трав, уже практически высохших под неумолимым степным солнцем. В тени одинокого деревца расположен наблюдательный пункт – небольшой окоп и блиндаж. В окопе Руслан и Чех. Руслан сидит, прислонившись к земляной стенке окопа, и бездумно перебирает патроны в цинке. Чех сосредоточенно смотрит в сторону находящейся в отдалении рощи маслин. Там в последнее время была замечена активность врага, постоянно пытающегося занять нейтрально зону.

Жаркое солнце и хроническая бессонница иссушили сознание Руслана. Продолжительное бездействие как будто заключило его мозг в наполненный ватой футляр, в котором он находится постоянно, что бы ни делало его тело. Он постоянно спит на ходу.

Взяв из-под ног комок глины, он кидает его в Чеха. Тот, не отрываясь от бинокля, спрашивает:

– Чего?

– Хоть бы уже полезли, что ли. Сидеть в окопе – это ещё ладно – к условиям, к постоянной тушёнке и паштету быстро привыкаешь. Учишься как-то следить за собой, справляться с трудностями. Мне это даже интересно. Чувствуешь себя как Робинзон Крузо. А вот к такой фигне, когда ничего не происходит, привыкнуть не могу. От безделья голова плавится – мысли всякие, как мухи. Жалят, а я ничего сделать не могу. Лучше бы лопату и копать до одури. А ещё лучше, когда бой. Вообще ни о чём не думаешь – некогда. Просто растворяюсь. Не то что про мысли, про курево; даже про то, чтобы в туалет, и то забываешь. А вот так, как сейчас, можно с ума сойти. Хочется иногда самому к ним навстречу полезть, – лениво пробормотал Руслан.

Чех молча продолжает сканировать местность. Потом кладёт бинокль и садится рядом с Русланом:

– Ты знаешь, Русик, меня больше всего тоска по дому убивает. Вот хотелось бы хоть на денёк домой приехать. Ведь всего 300 км! Иногда прямо кажется, что чувствую вкус нашей воды. Или вдруг ветер чем-то пахнёт, как дома совсем... По матери сильно скучаю, по отцу...

– Я своей не сказал, что воевать еду. Наврал, что на заработки собрался. Как она меня собирала в дорогу, как чувствовала. Сейчас, конечно, уже знает. Брат ей сказал. А в 15-м сам мобилизовался в ВСУ. Поехал в нас стрелять. Мать рассказывала, как его провожали. Районный голова им речь толкнул, школьницы танцевали... Потом понажирались все. Звонил мне один раз ещё со сборного пункта. Минуту булькал что-то про «сепаров», но слишком бухой был. Больше не звонил, – с тоской сказал Руслан.

Он встал, взял бинокль и начал вглядываться в степь.

Чех отпил из фляги воды, прополоскал пересохший рот и сплюнул в сторону.

– По крайней мере, он тебе не звонил, как мой, и не обещал зарезать. Я иногда представляю: вот мы где-то в окопе друг против друга с автоматами. И что дальше, убить его? Это страшно.

Руслан тяжело вздохнул:

– Да, сколько семей разрушила эта война, сколько тысяч жизней искалечила. Тысяч? Десятков, если не сотен. И всё им мало. Политики, *журналишлюхи* всякие, *звездят* постоянно, как у нас хорошо. Как скоро мы возьмёмся за руки и дружно пойдём на Киев. Я ещё с Мариуполя жду, потом в Славянске ждал, когда же мы уже вперёд двинем. Вместо этого третий год тут, под Мариуполем топчемся. Смешно сказать – до дому двести километров, а до луны мне, наверное, ближе.

Он зло сплёвывает.

– А хуже всего вот так, когда ни хрена не делаешь. Я уже заметил, люди начинают понемногу гнить, сходить с ума. Кто-то просто в себе замыкается, кто-то бухать начинает...

– Ну, это самое последнее дело. Сколько уже народу ни за что погибло. То на собственных минах подорвались, то самострел, то на позиции к укропам забрели. Хотя вообще от бездействия тупеет человек. Забывает про осторожность, начинает из окопа высовываться; под снайперов лезет. Лучше, конечно, когда постреливают. Тогда постоянно в тонусе... Ладно, полезу в холодок, посплю немного. Разбуди меня через пару часиков, – согласился Чех. Он потянулся, зевнул и скрылся в блиндаже.

Вечерело. Руслан давно отложил бинокль. Разглядеть что-нибудь в сливающимся травяном море было уже невозможно. Тем не менее он продолжал поглядывать в сторону отдалённой рощи маслин. То ли ему чудилось, то ли там действительно было какое-то движение.

Из блиндажа вылез заспанный Чех. Заняв позицию рядом с Русланом, закурил в кулак.

– Что-то будет сегодня. У меня в животе как будто змея свернулась.

– Это у тебя долбаный пащтет колом встал. И вообще нефиг на закат спать. Мать всегда говорила, что это вредно, – отшутился Руслан.

Затем они замолкли надолго. Все тропы разговоров уже давно были исхожены по многу раз. Вскоре совсем стемнело. В травах надрывались сверчки. Печально вскрикивала где-то ночная птица.

Вдруг небо вспыхнуло осветительными ракетами. Через несколько секунд откуда-то спереди от Руслана стали взлетать огненные стрелы. Они пролетали над ним, и через несколько секунд далеко за его спиной раздавались звуки прилётов. Впереди раздался гул тяжёлых моторов, а вскоре показались очертания «коробочек». На них можно было различить силуэты вражеских солдат.

Чех открыл огонь из пулемёта. Руслан тщетно пытался докричаться в рацию, чтобы сообщить о попытке прорыва. Вдруг рядом с ним полыхнуло, и голову наполнил колокольный звон. В лицо ему швырнуло чем-то липким. Проваливаясь в беспамятство, он успел понять, что это его обдало кровью из разорванной шеи Чеха.

ДЕЙСТВИЕ 3

с. Ивановка, Херсонская область, Украина. Зима, 2016 год

Николай лежит на перине в родном доме и задумчиво рассматривает фотографию на стене, где изображены они с братом, мать и покойный отец. Он поседел и осунулся. Рядом с его кроватью стоит инвалидная коляска. Напротив кровати монотонно бубнит телевизор. На экране Порошенко одобрительно обходит ряды танков. В соседней комнате хлопочет состарившаяся и сгорбившаяся мать. Раздаётся стук во входную дверь. Мать идёт открывать. Вскоре в комнату входит сосед Птица.

– Здорова, герой!

Николай несколько секунд смотрит на него. Узнав, радостно заулыбался.

– Привет, Птица! Как ты поживаешь?

– Да я-то чего? Живём – хлеб жуём, – Птица осклабился. – Ты лучше рассказывай, когда тебе Петя медаль за героизм вручит?

Николай грустно улыбнулся.

– Да уж, нагеройствовал по самые помидоры. Осколком мины хребтину перебило – ниже груди ничего не чувствую. Три месяца по госпиталям таскали, чуть не помер там от боли. Потом в покое оставили. Говорят, на Украине такие операции не делают. Надо в Израиль; 100 тысяч баксов стоит. А где мне их взять? Вот, отправили домой. Помирать потихоньку. Пенсию выделили такую, что я бы

с радостью Петю его медалями как утку яблоками начинил бы. Гады железные! Не знаю, как мы теперь с матерью проживём. У неё пенсия минимальная. У меня больше, так лекарств же столько нужно! Мать сдала – не дай бог сляжет, помрём с ней оба.

Птица посерьёзнул.

– Там, говорят, районный голова хочет какой-то праздник для тебя устроить...

– Чтоб они неладны были! Опять школьников натащат, чтобы пели и плясали. Дадут мне грамоту и будут руку жать. Ну их, кобыле в трещину! Лучше бы угля привезли – мать мёрзнет постоянно, – с раздражением бросил Николай.

Птица не нашёлся, что сказать. Вместо этого он достал из внутреннего кармана куртки пластиковую бутылку с сивухой и одноразовый стаканчик. Наполнив его до краёв, поднес Николаю. Тот жадно выпил, шумно выдохнув, и откинулся на подушки. Птица тоже выпил; опасливо покосился на дверь в соседнюю комнату, где было слышно, как ходит мать Николая.

Несколько секунд он выжидал, потом повторил манёвр – налил Николаю, потом выпил сам.

– А что там брат твой, Руслан? Давно о нём ничего не слышно. Говорят, тоже воюет?

Николай помрачнел.

– Русик в плен попал под Мариуполем. Сейчас должен уже на зоне быть. Осудили его за сепаратизм-терроризм.

– И много навалили? – заинтересовался Птица.

– Одиннадцать лет дали.

– Ой, мама! – всплеснул руками Птица. – Ну, хорошо хоть, что живой. Глядишь, отсидит и выйдет или под амнистию попадёт.

– Может под обмен пленными попасть. Ладно, не хочу о нём. Давай по третьей, пока мать не наведася. Да расскажешь мне, что у вас тут хорошего, нового, – погрустнел Николай.

Выпили снова, несколько секунд молчали, кривя лица.

– Колёк, что у нас тут может быть хорошего, сам подумай? Крым и Россию закрыли, дорожает всё. Люди беднеют – никто уже так ранние овощи не покупает. На фрукты и ягоду, на мясо спрос упал. Так, выращиваем понемногу, но в основном теплицы стоят пустые. Я две вообще разобрал. В прошлом году поле лука бросил – цены не было, решил и не собирать. Короче, жить как-то стало неудобно.

Птица разлил остатки сивухи. Затем спрятал бутылку и стаканчик в карман.

– Думаем, Колян, на следующий сезон вообще ничего не садить. Хотим с Алёнкой попробовать в Польшу поехать. Если с документами всё получится. А нет, так Санёк меня в Ялту на стройку зовёт. Он в этом году нормально летом заработал. Сидит сейчас ровно, отдыхает. В марте обратно собирается.

Лицо Николая пьянело на глазах. Он с шумом выдохнул:

– Да! Не за то мы на майдане стояли...

Птица жестом фокусника добыл из кармана ещё косушку сивухи и стакан. Опасливо покосился на дверь. Разлил.

– Да хоть бы, Коля, его вообще никогда не было. Погляди, что натворили, козлы сипатые!

– Я иногда думаю, я бы их всех порешил. В каждого по обойме всадить, может, что-то в стране наладится, – мечтательно протянул Николай.

Птица в знак скептицизма махнул рукой.

– Да было бы из чего, я бы и местных порешил. Столько в области крови попили!

Николай пьяно ухмыльнулся.

– А ты под кровать залезь. Там чемодан, под одеждой погляди. Смотри только, аккуратней.

Птица неловко отставил стул в сторону и полез под кровать. Достав оттуда небольшой чемодан, открыл его. Приподняв верхний слой лежащей там одежды, он удивлённо присвистнул. В чемодане лежал пистолет Макарова, несколько обойм к нему и три гранаты РГД-5.

– Вот это да, Колёк! Чего, оттуда привёз?

– Ещё бы! Побратимы подарили! – довольно хмыкнул Николай.

Птица рассмотрел оружие.

– Колонь, подари одну гранату.

Николай осоловело посмотрел на Птицу:

– Бери! А на что она тебе?

– Я, честно, не знаю, но надо! – задумчиво ответил Птица.

Вдруг послышались приближающиеся шаги матери Николая. Птица быстро бросил в карман куртки одну из гранат, захлопнул чемодан и затолкнул его под кровать. Когда мать заглянула в комнату, он уже снова сидел на стуле.

Через несколько часов Николай остался в комнате один. Он спал пьяным сном в полумраке. Мать негромко смотрела телевизор в соседней комнате. Внезапно неподалёку раздался взрыв, но Николай ничего не слышал. Его мать в тревоге выбежала из дома прямо в домашнем халате. По улице бежали люди. Слышались тревожные крики. Она подбежала к забору и попыталась что-то рассмотреть, но кроме неясной суеты ничего не было видно.

Из сумерек вынырнула соседка. Подойдя к матери Николая, она начала причитать:

– Ой, горе-то какое!...

– Что случилось? Где взрыв? – с волнением спросила женщина.

– У Птицы взорвалось! – ответила соседка. – Говорят, гранату притащил. Жене показывал, и – взорвались. Его сразу убило, Алёнку сильно посекло. Сейчас будут её в район везти – может, выживет...

ДЕЙСТВИЕ 4

За окнами темно; шуршит падающий снег. Очень тихо, лишь иногда вдалеке лают учуявшие волка собаки. Мать Николая и Руслана сидит в темноте, уставившись невидящим взглядом в телевизор. За стеной спит мертвецким сном Николай. На экране телевизора Порошенко награждает медалью безногого и безрукого украинского солдата. Мать вздрагивает и с отвращением выключает телевизор. Сидит, вперившись в темноту. По щекам катятся слёзы. Почти беззвучно она причитает:

– Господи, да что же это такое? Чем я нагрешила? За что это нам всем? Сыны мои, соколы! Давно ли вы оба сидели тут, в этой комнате? Давно ли вы были рядом со мной? Живые, здоровые, сильные? Как же теперь быть-то? Один в тюрьме до седых волос, второй калека. Как мне вам помочь, что я могу вам дать, я, старуха? Как защитить мне вас? Кто мне теперь вернёт вас? Похоронить меня даже некому! Боже-боже, за что мне такое несчастье?

Она начинает задыхаться; костлявой рукой мнёт себе грудь:

– Когда же этот ужас закончится? Сколько ещё нужно людского горя, чтобы всё это прекратилось? Сколько нужно, чтобы вы уже напились крови? Это они все виноваты. Сытые, довольные рожи. Будьте вы прокляты до седьмого колена. Ненавижу вас! Чтоб вы сдохли! Будьте прокляты! А с вами и мы, за то, что позволили сожрать наших детей. За то, что вас выбирали. За то, что позволяли вам всё. Что не научили детей, кто вы такие. Что всё время делали вид, что ничего не происходит, и только жаловались. Нет, вас надо было убивать сразу. Пока вы ещё ничего не могли. А теперь, что мы можем теперь? Что я могу, несчастная старуха?! Боже, детки мои, что же с вами будет?..

Её грудь сжимает спазм. Рука дрожит, вцепившись в платье, а потом безвольно обвисает. На улице тихо шуршит снег.

За стеной стонет во сне Николай.

– Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать и домой быстрее. Мне ещё сегодня надо отцу дома помочь.

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землёй.